



...Рождается кадр... Слева — режиссер Н. Курихин



Наконец на свободе... Иван (артист В. Гуренков)



Алеша (артист В. Погорельцев)



Петр (артист Г. Ютин)

# ТАНК И ЖАВОРОНОК

Танк казался живым. Как человек, который только что избежал смертельной опасности, он на мгновение остановился на обочине шоссе, повернул башню, словно оглянулся, и понесся по дороге, набирая скорость и оглушая небо громом мотора.

Только недавно на немецком артиллерийском полигоне он казался беспомощной мишенью для новых бронебойных снарядов. Теперь он вырвался из этого ада. Позади — раздавленные гусеницами батареи, орудия, разбежавшиеся в панике немецкие солдаты. Теперь он свободен. Бежать, бежать без оглядки. По этой незнакомой дороге, по чужой, вражеской земле...

Неожиданный рывок в сторону, и прямо через поле, через лес по узкой кривой улочке врывается танк в поселок, сейчас он сомнет эти домики, магазины, пивные. Надсадно взревел мотор... Танк ворвался на центральную площадь. «Смерть фашистским оккупантам» — мелом подновлена надпись на его броне. Нет. Он не напоминал уже беглеца. Наоборот. Это от него теперь шарахались в стороны. И, почувствовав свою силу, он шел тяжело вдавливая землю, с неторопливой уверенностью — по центру Германии...

Экипаж танка — трое русских и француз — герои фильма «Жаворонок». И сам танк, который

из бездушной стальной громады превратился волей авторов фильма в равноправное действующее лицо...

В Мукачево, в маленьком просмотровом зале, мы смотрим отснятый материал. Еще не смонтированы эпизоды, нет музыки, не всюду подложена фонограмма. Но и сейчас отчетливо проступают контуры этого будущего произведения...

В последнем титре зрители прочтут слова: «В основу фильма положен подлинный факт. Это было в Германии летом 1942 года». Но не в исторической реконструкции подлинного факта сила фильма. Его сценарий, написанный ленинградскими поэтами М. Дудиным и С. Орловым, читается, словно стихи, и, как это должно быть в стихах, обыкновенный жизненный факт доведен здесь до символического обобщения. Не бытовые подробности немецкого плена занимают авторов. Не острый сюжет рассказа о дерзком побеге советского танка с немецкого полигона будет держать в напряжении зрителей. Это должен быть фильм-баллада о героизме и самоотверженности человека, фильм-памятник.

Такой видят свою будущую картину режиссеры «Ленфильма» Н. Курихин и Л. Менакер.

Образы-символы вырастают из конкретных обстоятельств, из обыкновенных, почти будничных

поступков. В этом и трудность фильма для постановщиков, операторов, актеров. Надо суметь передать, как постепенно из беглецов, вырвавшихся из немецкого плена, четыре человека превращаются в солдат-мстителей, идущих на верную смерть. Почему, уйдя с полигона, они не разбежались, оставив танк на дороге, не стали прятаться в лесах, чтобы попытаться пробраться к своим? Может быть, они решили воевать с Германией на ее земле, когда русские женщины-батрачки увидели советский танк и с криками: «Наши пришли!», «Наши!» — бросились следом; может быть, они почувствовали свою силу, когда на центральной площади городка в мелкие черепки разлетелась от удара боевой машины пятиметровая статуя надменного крестоносца — завоевателя...

Каждый из четырех шел к этому решению своей дорогой.

Вот Иван — водитель танка. Исполнитель этой роли В. Гуренков рассказывает:

— Мой герой попал в плен в 1942 году, после первой победы под Москвой. Он уже видел фашистов, бегущих от советских солдат. И в плену Иван продолжает считать себя частицей армии. Он не может поступить иначе.

А вот другой — Петр. Артисту Г. Ютину предстоит создать чрезвычайно сложный характер че-



...и предельно. Аleshка бег бесконечный бег между деревьями... Справа — оператор В. Карасев



ловека, который от трусости, граничащей с предательством, приходит к глубокому пониманию необходимости борьбы...

Под Мукачевым, в деревне Грабово, расположился штаб съемочной группы фильма. Леса, реки, поля... Природа нерусская — ведь действие происходит в Германии... По разбитой извилистой дороге приехали из Ленинграда осветительная и звуковая аппаратура, операторские краны. Пожалуй, легче всего было добираться сюда потому герою картины — танку.

Вместе с директором картины Ю. Джороговым мы ехали в разбитом газике на очередную съемку, куда-то в лесную чащу. Здесь лесорубы уже готовят площадку для съемок одного из центральных эпизодов фильма — побега третьего героя фильма — Аleshки.

Впервые после ужасов концлагеря Аleshка ступил на землю, не огороженную колючей проволокой, он жадно вдыхает аромат деревьев, травы, он, наконец, снова слышит пение птиц. И вдруг Аleshка оглядывается и видит — деревья в лесу пронумерованы. На недавних срезах коры стоят цифры... как на коже заключенных в лагере, как у него на руке... Куда ни посмотришь — всюду ряды цифр пронумерованного леса и то-

встать! Лечь!» — возникают, как эхо, слова немецкой команды. С диким, звериным криком прорывается Аleshка между деревьями...

— Стоп! Еще один дубль! — это командует режиссер Л. Менакер. — Понимаешь, не сломленным падает Аleshка, не безнадежность бросает его на землю!

И артист В. Погорельцев снова начинает свой бесконечный бег между стволами. Слово живые, преследуют его ручные камеры молодых операторов фильма В. Карасева и Н. Жилина. Никаких тележек, никаких мертвых, прикованных к штативу точек. Фильм большого эмоционального накала, глубокого проникновения в характеры, сердца героев, надо и снимать по-новому, — так решили в съемочной группе. Иначе трудно добиться тех кадров-символов, из которых должна состоять эта картина. Ведь не диалоги, не поступки героев определяют ее стилизовое решение. Фильм должен стать еще в минуту крайнего напряжения его духовных сил. Он оптимистичен, хотя завершается гибелью героев. Он должен стать еще и существенным фрагментом в огромном историческом полотне советского искусства о войне, еще одним, новым словом.

...Несется по дороге танк. В нем — один води-

вых... Вдруг резкая остановка. На шоссе сидит вихрастый мальчишка и дует сосредоточенно в блестящую гильзу. Стороной не объехать. Иван выскакивает из машины, относит в сторону чужого немецкого мальчишку, поворачивается назад, к танку, и тут его застает автоматная очередь. Тишина, смерть... И вдруг словно оживает стальная громада танка, он движется вдоль шоссе, сворачивает к батарее, проходит сквозь нее, доходит по склону до вершины и, будто не замечив, что кончилась земля, движется все выше, вверх, постепенно растворяясь в небе. И вот уже только голубой купол и, будто подвешенный к белому облаку на ниточке песни, заливается во всю жаворонок. Негромкий женский голос читает:

Его зарыли в шар земной,  
И был он лишь солдат,  
Всего, друзья, солдат простой  
Без званий и наград...  
Давным-давно окончен бой...  
Руками всех друзей  
Положен парень в шар земной,  
Как будто в мавзолей...

Фоторепортаж спец. корреспондентов  
«Советского экрана»  
Е. Семенова и Л. Нисневича.